

Къ ослѣпительнымъ знаменьямъ въ небѣ,  
Къ слѣду тайны на зыбкихъ пескахъ —  
Равнодушенъ я нынѣ. Мой жребій —  
Въ твоихъ холеныхъ, бѣлыхъ рукахъ.

Входишь ты — и смолкаютъ всѣ шумы,  
И стою я, растерянъ и тихъ,  
И впиваю безъ воли, безъ думы  
Пѣснопѣнья движеній твоихъ.

Меркнетъ день, отступаютъ куда-то  
Стѣны комнатъ, и окна, и садъ;  
Все какимъ-то туманомъ объято,  
Лишь неслышно мгновенья летятъ...

И скользишь ты въ томъ вѣщемъ туманѣ,  
И горишь лучезарнымъ пятномъ,  
Точно ангелъ библейскихъ сказаній  
Съ кроткой пальмой и грознымъ мечемъ.

Я помню часъ полуденнаго жара,  
Янтарь песка, сапфиръ морской воды,  
Твое лицо, на немъ — налетъ загара,  
Въ хрустальной вазѣ — спѣлые плоды;

На круглой клумбѣ — тѣнь отъ пихты  
рослой,

За изгородью — мирныя поля;  
Ночной заливъ, опущенныя весла  
И силуэтъ твой хрупкій у руля;

Душистую вечернюю прохладу,  
Въ густой листьѣ шуршащіе дожди,  
Бесѣды спокойныхъ тихую отраду  
И теплоту доврчивой груди. . .

Я помню все такъ живо и такъ ясно. . .  
Лишь отвернусь отъ жизни — и ведетъ  
Меня мой путь, мой тайный путь  
прекрасный,  
Пескомъ янтарнымъ, вдоль лазурныхъ  
водъ.

Въ саду благоухали клумбы,  
Сіяла полная луна;  
Напѣвы жалобные румбы  
Лились изъ дальняго окна.

А на балконѣ, точно въ храмѣ,  
Душистый мракъ недвижимъ былъ...  
Брюнетка съ синими глазами  
Со мной стояла у перилъ.

И ей, покорной, но немилой,  
Шепталъ я тихо, какъ во снѣ,  
Слова любви, что съ дивной силой  
Съ моихъ небесъ сіяютъ мнѣ,

Что въ тайникахъ души мятежной,  
Скупецъ безумный, я коплю  
Для той, другой, кого такъ нѣжно,  
Невыразимо такъ люблю.

За много верстъ, объятый лѣнью,  
Луной былъ городъ озаренъ  
И та, другая, легкой тѣнью  
Въ раздумьи вышла на балконъ.

Прохлада ночи обвѣвала  
Ея усталое лицо;  
Рука разсѣянно ласкала  
На пальцѣ узкое кольцо.

Моя судьба переплелась такъ сложно  
И такъ мучительно съ твоей судьбой...  
Я твердо знаю: счастье невозможно,  
Подъ горестной родился я звѣздой.

Съ благоговѣньемъ тихимъ богомольца  
Уже, какъ встарь, къ тебѣ я не вхожу:  
Да, не фальшивы здѣсь, какъ погляжу,  
Одни твои сверкающія кольца.

Очарованіе нарушено,  
Съ точеныхъ чертъ упала маска,  
До скучнаго конца дослушана  
Неповторяемая сказка.

Давно ль казалось: вся вселенная  
Заключена въ стѣнахъ завѣтныхъ.  
Звучала радость неизмѣнная  
Въ словахъ простыхъ, въ словахъ  
привѣтныхъ. . .

Теперь при встрѣчахъ пальцы праздные  
Цѣлую съ хмурымъ безразличьемъ  
И задаю вопросы разные,  
Какъ это вѣрно приличьемъ.

Жалѣть другихъ? Да развѣ самъ себя  
Я жалѣю?

Такъ отчего жь обнять тебя, любя,  
Я не смѣю?

Довѣрчиво встрѣчаешь ты меня  
На порогѣ.  
Безъ устали бредемъ въ сіяньи дня,  
Точно боги.

Какъ колокольчикъ, голосъ твой звенить  
Серебристый.  
Глаза твои — надъ розами ланить  
Аметисты.

Я руку жму тебѣ, какъ другъ иль братъ,  
На прощанье,  
И губы нѣжныя мнѣ говорятъ:  
«До свиданья.»

И въ сердцѣ кубокъ, полный до краевъ,  
Уношу я.  
Тѣмъ чистымъ снамъ невѣдомъ душный  
зовъ  
Пощелуя.

## РАЗСВѢТЪ НА СЕНѢ.

Все было призрачно кругомъ —  
Пустынной улицы молчанье  
И за бѣлѣющимъ мостомъ  
Дворцовъ и башенъ очертанья.

Уже былъ недалекъ разсвѣтъ,  
И синій сумракъ колыхался;  
Еще воздушнѣй въ немъ казался  
Твой неподвижный силуэтъ.

Дремала въ каменномъ объятѣи  
Зеркально-гладкая рѣка;  
Въ моей рукѣ твоя рука  
Чуть отвѣчала на пожатье.

Сверкнуло солнце. По угламъ  
Метнулись тѣни, словно птицы. . .  
Одинъ, куда — не зная самъ,  
Я шель въ толпѣ подъ шумъ и гамъ  
Засуетившейся столицы.

Въ послѣдній разъ въ угрюмой мглѣ  
вокзала

Я чувствовалъ касанье милыхъ рукъ.  
Спускалась ночь. Судьба насъ разлучала —  
Я уѣзжалъ назадъ, на дальній югъ.

И день за днемъ, среди вагонной тряски,  
Подъ пѣнье пароводнаго винта,  
Владѣла мною грустная мечта —  
Я думалъ о твоей прощальной ласкѣ.

Мы встрѣтимся ль еще — не знаю я:  
Насъ раздѣляютъ мощные просторы —  
Равнины пестрыя, сѣдыя горы  
И синія шумящія моря.

Душа томится по привычнымъ высямъ,  
Гдѣ такъ тепло сіяла ей любовь,  
И наша близость оживаетъ вновь,  
Святая, на страницахъ нашихъ писемъ.

Намъ ихъ несетъ тотъ Поѣздъ Голубой,  
Что лѣтнимъ вечеромъ ты провожала,  
Тотъ пароводъ, гдѣ, въ тишинѣ ночной,  
Красивая мечта меня ласкала.

Близокъ, близокъ домъ многоэтажный,  
Гдѣ, на фонѣ статуй и колоннъ,  
Медленно швейцаръ гуляетъ важный,  
Въ пышную ливрею облаченъ.

Я вижу. Подъемная машина  
Мимо лѣстницъ мраморныхъ плыветъ.  
Знаю: наверху все та жь картина  
Моего прихода грустно ждетъ.

Этажерка съ рядомъ книгъ любимыхъ,  
Кресло у раскрытаго окна;  
До-верху видами мѣстъ родимыхъ  
Бѣлая увѣшана стѣна.

Ваза съ розами, диванъ широкій,  
Длинный столъ рабочій въ сторонѣ...  
На столѣ — портретъ твой одинокій:  
Все, что отъ тебя осталось мнѣ.

Вновь будетъ жимолость душистѣй,  
Въ аллеяхъ потемнѣетъ вдругъ  
И станутъ безпокойнѣй кисти  
Браслетами покрытыхъ рукъ.

И будетъ вечеръ утомленный  
Такъ упоительно-хорошъ,  
Когда, бассейнъ минуя сонный,  
Лицо къ оградѣ ты прижмешь.

Потомъ, у оконъ темной спальни,  
Ты заглядишься до утра  
На звѣздъ безпечныхъ праздникъ  
дальнѣй, —  
Такой же яркій, какъ вчера.

Въ моей крови тревожно бродить  
Огонь вчерашнихъ ласкъ твоихъ,  
Но ужь мечта меня уводитъ  
Въ страну видѣній голубыхъ;

Томить предчувствіемъ неяснымъ  
Не по-земному свѣтлыхъ встрѣчъ:  
Могу ли я призывомъ властнымъ,  
Надеждой робкой пренебречь?

И вновь иду я одиноко  
Путемъ, извѣданнымъ давно,  
Гдѣ до положеннаго срока  
Рыдать въ тоскѣ мнѣ суждено.